

СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ ЧИНОВНИКОВ СОВЕТСКОГО КИРГИЗСТАНА (1924–1938 гг.)

Г. Дж. Джунушалиева

Рассматриваются повседневные практики чиновников аппарата управления Киргизской автономии, а также стратегии, которые применялись ответработниками для своего карьерного роста, их корректировки в меняющихся социально-политических условиях.

Ключевые слова: повседневность; габитус; нациостроительство; национально-государственное размежевание; советская власть.

Период 20–30-х гг. в советской историографии рассматривался как время коренных социально-экономических преобразований, направленных на модернизацию традиционного киргизского в соответствии с современными веяниями. Пожалуй, это наиболее изученные направления преобразований истории XX в. истории Киргизстана. В период независимости в изучении национальной истории акценты сместились в сторону описания биографий исторических личностей, внесших значительный вклад в развитие государства, проявивших себя в политике, особенно – в нациостроительстве. Собственно, вся исследовательская рефлексия на события в Советском государстве свелась исключительно к освещению фактов политических репрессий, проблемам реабилитации пострадавших, изучению процессов модернизации общества с точки зрения модернизационных теорий и мобилизации ресурсов по достижению этих целей. Целью данной статьи является описание административных практик первого поколения чиновников советской Киргизии, которые были у истоков создания советской бюрократической системы. Эта тема интересна еще и потому, что их опыт административного управления складывался в царский период. Каким образом он влиял на повседневную

практику уже советского чиновника – это еще один аспект исследования этого переломного момента в истории кыргызов.

Источниковой базой данного исследования послужили материалы двух государственных архивов: Центральный государственный архив и архив политической документации Кыргызской Республики. В основной массе это документы-руководства с попыткой определить ценность конкретного работника, возможности его дальнейшего трудоустройства, весьма лаконичные характеристики, жалобы, документы ОГПУ, недавно рассекреченные и доступные исследователям. Необходимо отметить тот факт, что данная работа имеет свои естественные информационные ограничения, не позволяющие проводить полные обобщения относительно административных практик. Например, материалов частных лиц релевантных теме очень мало, что объясняется высоким процентом неграмотных из числа местного населения. Кроме того, письменные источники с попытками анализа сложившейся ситуации в аппарате государственного управления являются документами и деловой перепиской официальных органов. Данное обстоятельство указывает на то, что вектор изучения административных практик чиновников советской

Киргизии в основном идет в направлении от государства к низовым органам советского аппарата и выражает только точку зрения государства на деятельность советских и партийных чиновников 20–30-х гг.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие стратегии применялись чиновниками в их административных практиках в 20–30-е гг.? Какая социальная группа являлась кадровым ресурсом для государства? Каким образом советское государство пыталось преодолевать трудности управления автономной областью в условиях недостатка квалифицированных кадров советско-партийного аппарата? Для понимания и описания сути используемых стратегий местных органов управления автономной области автор применил концепцию Пьера Бурдьё [1] с такими понятиями, как социальный агент и габитус. Чиновники первого поколения киргизской автономии применяли стратегии в своей практике для достижения определенных целей, логика которых определялась практическим смыслом габитусов и стратегией поведения.

Габитус как система прочных приобретенных предрасположенностей порождает и организует практики и представления, призванные для достижения определенных результатов. Будучи результатом конкретного исторического развития, габитус обуславливает присутствие прошлого опыта в настоящем путем воспроизведения однообразно структурированных практик, которые обеспечивают принцип преемственности и регулярности социальной жизни. Он позволяет социальному агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. Габитус порождает общепринятые манеры поведения, которые приспособлены к определенному типу деятельности. Поскольку партия большевиков декларировала строительство государства совершенно нового типа, то и для жизни и управления в этом государстве требовался новый тип граждан с иными принципами поведения. Местная специфика социальной жизни советской Средней Азии также накладывала свой отпечаток – неграмотность населения, наличие патриархально-родовых отношений, социально-экономическая неразвитость – обуславливали пристальное внимание государства вопросам образования и воспитания, социализации индивида советского типа, подготовки кадров для управленческого аппарата.

В общих чертах концепцию можно сформулировать следующим образом: в период формирования управленческого аппарата и в условиях кадро-

вого дефицита происхождение и социальная принадлежность потенциального работника молодого советского государства не являлись определяющим фактором при назначении на административную должность. Система сама испытывала давление со стороны персонала, который работал в ней. Она вынуждена была приспособливаться, разрабатывать комплекс мероприятий, методов и форм противодействия, чтобы выстоять и изменить систему диспозиций чиновников-агентов, иным словом – формирование “советского” габитуса управленцев. В процессе становления советской административной системы шло массовое обновление опыта чиновников из числа местного населения в связи с тем, что административные практики, хорошо зарекомендовавшие себя в государственных системах Кокандского ханства и Российской империи, оказались не вполне адекватными в условиях строительства социалистического общества.

С выделением Кара-Киргизской автономной области в составе РСФСР перед властью встал вопрос о формировании и укомплектовании органов административного аппарата. В силу неграмотности и плохого владения русским языком эти процессы протекали с осложнениями.

Но прежде всего Советской власти следовало определиться: кем же являлись классовые враги советской власти в Средней Азии? Предпочтение было отдано определению Павла Ивановича Кушнера. По его мнению, манапы, благодаря своей зажиточности, наличию дружинников (аткаминеров – всадников), выполнению административных функций (сбор налогов с населения, полицейские и военные функции, вопросы выпаса скота), выполняли свою социальную функцию в обеспечении физической и правовой защиты соплеменников. В руках манапов сосредотачивалась власть, позволявшая осуществлять контроль над социальными капиталами, единолично решать, кого допускать или не допускать к этим ресурсам. Сила традиции была так велика, что в первые десятилетия советской власти неимущие и обедневшие роды (кланы) продолжали нанимать кого-нибудь из манапов для защиты своего скота и имущества. Особенно это касалось тех, кто по различным причинам становились маргиналами в собственной среде и вынуждены были мигрировать на другие территории или просить покровительства у соседних более сильных племен. В документах упоминаются случаи, когда киргиз-кайсаки (казахи), кочевавшие в горах Сусамыра, часто прибегали к подобному рода услугам феодальной верхушки кыргызов. К примеру, тот же Худайкулов был по национальности казахом, из рода Аблай, его предки пере-

селились в Чуйскую долину и жили под покровительством манапа Шабданова Джантая. По характеристике, данной партийными органами чиновнику, “по-киргизски вполне оформившийся тип с твердым убеждением”.

Документы совещаний и заседаний Киробкома партии ВКП(б) свидетельствуют о наличии разного рода группировок в административных органах. Приток добровольцев на замещение вакантных должностей в государственные органы объяснялся не только искренним желанием служения “классовым” интересам и гражданственностью местного населения, но и тем, что преследовались групповые и личные интересы. Например, в ходе борьбы между группой тридцатки и группой Худайкулова в 1922–1924 гг. органами ЧК Кара-Киргизской автономной области велся сбор документов и информации об их политической и административной деятельности. Далее описываются конкретные действия чиновников: 13 апреля 1926 г. ответственный работник Кульназаров, сторонник Худайкулова, с председателем Нарынского райисполкома Турдыбаевым собрали ответственных работников г. Нарын и предложили им собрать с каждой волости по две головы крупного рогатого скота. Административные работники г. Нарын, по мнению Кульназарова и Турдыбаева, должны были восстановить транспортные расходы последних по поездкам в область и в Москву. Скот собрали и отдали чиновникам, а по решению нарынцев выданный скот должен был быть восстановлен за счет населения. С точки зрения традиционного уклада жизни данная практика административного управления для населения области была понятна, не вызывала возражений и воспроизводила модель взаимоотношений органов администрации и жителей, которая сложилась и распространилась в Кокандском ханстве и не изменилась в период пребывания в составе Российской империи.

Лучше всего ситуация с кадрами в области описывается в отчете Кара-Киргизского партийного бюро: “Лучших сил Кара-Киргизия не могла заполучить вследствие того, что не имела возможности предложить этим силам таких выгодных условий, какие могли предложить другие нацреспублики... Попытка же некоторых Облучреждений создать свои аппараты, базируясь на имеющихся в пишпекских окружных органах, – успеха не имела, т. к. оказалось, что окружные аппараты состояли по качеству из весьма посредственных работников” [2, л. 127–130]. Корень зла группировочной борьбы власти видели в преобладании манапов и их сторонников в низовом советском аппарате. Феодалы возлагали очень большие надежды на национальное размежевание, предпо-

лагая усиление своего влияния в Советах. Манапы весьма быстро усвоили то, что советская власть была весьма чувствительна к имущим классам общества, поэтому крайне редко, если никогда, не принимали участие в выборах депутатов в Советы. Им достаточно было иметь своих представителей в административных органах. Именно они обеспечивали защиту интересов. Чиновники, приехавшие в Кыргызстан из центральных областей России, особо подчеркивали факт отсутствия политической культуры и делового принципа – выдвижение кандидатов в председатели волостных исполкомов и аульные советы “на почве делового подхода” [2, л. 127–130]. Фактически за каждой группой стояли свои манапы, и основная борьба разворачивалась между ними. Например, в материалах помощника уполномоченного уезда Шапоренко указывалось [3, л. 58–59], что в г. Пишпек состоялось совещание баев и манапов под руководством Шабданова. На совещании присутствовало 20 человек, там было принято решение отправить в Москву Ю. Абдрахманова (председатель Совнаркома), снабдив его достаточными средствами для решения текущих вопросов, поддерживать политическую линию Ю. Абдрахманова и А. Сыдыкова. Манапами распространялась информация о том, что после смерти Ленина Троцкий был смещен с занимаемой должности, и власть опять вернется к феодальной верхушке.

Чиновники, направленные в Киргизию из центральных районов России, не могли оставаться в стороне от групповой борьбы. Архивные документы содержат информацию о том, что они вынуждены были включаться в противостояние группировок, встав на чью-либо сторону. Например, при решении вопроса о высылке семьи манапа Шабданова, секретарь обкома партии Узюков выступал за ее осуществление, находясь на стороне группы Худайкулова. Ответственный работник Бройдо, будучи на стороне Сыдыкова и Абдрахманова, выступал резко против высылки. Узюков во время выступления на закрытом заседании обкома подчеркивал факт принадлежности Бройдо к классово чуждым элементам, его службу в дореволюционное время в адвокатуре города Пишпек, близкое знакомство с уездными начальниками Затенщиковым и Путенцевым.

В советско-партийных документах низовой советский аппарат критиковался партийными органами за бесконечные поборы и самообложения населения. Скот и деньги собирались на поездки, угощения, на канцелярию, на содержание джигитов, прием комиссий и проч. Проводились поборы в различных формах: раскладывали на юрты или аулы (с каждой юрты или аула взималась определенная сумма), разбивали на группы дехкан или аулы.

Ситуация со сборами зашла слишком далеко и остро поставила проблему “революционной законности” в автономии. С этой целью за первые два десятилетия был проведен ряд прокурорских проверок. Система органов правопорядка по состоянию дел, кадровому обеспечению, качественной подготовке работников также была копией системы советских органов. “...мы имеем очень неподготовленных работников, если подходить с той меркой, с которой мы вообще подходим к этому вопросу”, – писал прокурор Стефанюк о результатах ревизии областного прокурорского надзора [4, л. 7–9, 71–74]. Влияние пережитков “патриархального строя” (трайбализма) чувствовалось и в областной прокуратуре. В отчете Стефанюка отмечалось, что взяточничество и должностные преступления общество, партийные и государственные органы не беспокоят, а если судить по статистическим выводам, вынуждены признать, что взяточничество стало почти бытовым явлением. Проверка штата органов милиции прокурором Панкратовым выявила такие факты, когда на службу шли лица, которые в самом тексте заявления писали о своих намерениях: “Прошу принять меня на должность старшего милиционера, т. к. не имею средств к существованию”. Эта проверка выявила, что в милиции и уголовном розыске работали случайные лица с преступными наклонностями, которые через 1–2 месяца покидали свои посты, “поправив” свое материальное положение. На закономерный вопрос, почему это происходит, ответ давался следующий: “принимаем, совершает преступления, мы его выгоняем”. Наиболее распространенным должностным преступлением было изготовление и сбыт самогона (водки, изготовленной в домашних условиях).

Следующий важный шаг проверки касался судебной работы прокуратуры. Был выявлен факт, что народные судьи были недостаточно глубоко знакомы с советским правом. Попутно проверили систему пеницитарных учреждений, где также присутствовал ряд нарушений: совместное содержание уголовников-рецидивистов и людей, попавших в тюрьму за мелкие нарушения. Как выяснилось, не было администратора, который занимался бы этим вопросом. Система охраны заключенных была несовершенна, если не сказать, что отсутствовала. Бывали случаи, когда администрация исправительных учреждений не знала, каким образом заключенные бежали из мест заключения. Не редки были случаи достижения договоренностей преступников с начальниками учреждений. Это было той проблемой, которую советской власти надо было

решать быстро, так как в регионе продолжались отдельные выступления басмаческих групп против советской власти.

В условиях кадрового дефицита советская власть не могла отказываться от тех скудных ресурсов, которые имелись в области. В то время советская власть пыталась быстро подготовить чиновников для партийно-советских административных органов, которые не были бы связаны с буржуазными и феодальными кругами. Власть была вынуждена мириться с манаским происхождением и небыстречным, с точки зрения классового подхода, прошлым, т. к. начинали они свою трудовую деятельность в царской администрации в качестве переводчиков, чиновников низовых волостных и аульных органов. Власть скрупулезно собирала компрометирующий материал на них. Если первоначально позиция советской власти в отношении работников не была однозначно негативной, с непременным желанием физического уничтожения, то по мере подготовки нового поколения административных работников, полностью усвоивших правила советской системы управления, старое поколение должно было уйти со сцены, когда физическое уничтожение последнего было самым оптимальным решением. Таким образом, с точки зрения власти, нарушалась преемственность в усвоении практик, создавались благоприятные условия для формирования нового габитуса, соответствующего идеям социализма.

Интерииоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не другим – способом. Габитус, таким образом, “есть продукт характерологических структур определенного класса условий существования, т. е.: экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и т. п.)”.

Литература

1. Бурдьё П. Структуры, habitus, практики / П. Бурдьё // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995.
2. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Оп. 1. Д. 33.
3. ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 6. Д. 134.
4. ЦГА ПД КР. Ф. 391. Оп. 3. Д. 68.